

КАРАСЕВДА

(Таракташская легенда).

— Облако, если ты летишь на югъ, пролети надъ моей деревней, скажи Гюль-Безяъ, что скоро вернется домой Мустафа Чалашъ.

Пролетѣло облако, не стало видно за тюремной рѣшеткой.

Цѣлую ночь работаетъ Мустафа Чалашъ, чтобы разбить кандалы. Только „не тамъ ломится желѣзо, гдѣ его пилать“.

— Демир егелеген ерден копалмаз.

Лучше не спѣши домой, Мустафа. Подкралась Карасевда, черная кошка и ходитъ близко отъ твоего дома.

Но бѣжалъ Мустафа Чалашъ изъ тюрьмы и скрылся туда, гдѣ снѣютъ горы.

Долго шель лѣсомъ и зналъ, что недалеко уже Таракташъ, да трудно идти въ гору, усталъ.

А позади звенить колокольчикъ, догоняетъ,—ѣдетъ становой.

Спустился Мустафа Чалашъ въ Девлень-дере, Пропалую балку, какъ зовутъ ее отузскіе татары.

Если нападетъ на кого Карасевда, непременно придетъ сюда, чтобы повѣситься.

Легъ Мустафа Чалашъ подъ дерево. Вѣтра нѣтъ, а каждый листъ дрожить, шевелится, говоритъ что-то.

Можетъ быть, что осень пришла; можетъ быть жалѣетъ человѣка, который пришелъ сюда.

Было жарко. Закрывъ глаза Мустафа Чалашъ и пришелъ къ нему странный сонъ.

Сидитъ, будто, старый ковскій Аджи-Муратъ у себя передъ домомъ, пьетъ холодную бузу, ждетъ невѣсту. ѣдетъ свадебный мугудекъ и четыре джигита держать надъ нимъ на сурекахъ шелковую ткань.

Остановился мугудекъ. Бросилъ Аджи-Муратъ джигитамъ по монетѣ. Опустили джигиты золотые суреки, крикнули: айда! Подхватилъ на руки ткань невѣстинъ дядя, завернулъ въ нее невѣсту и унесъ въ домъ.

Заиграли чалгиджи, изо всей силы ударило думбало.

— Айда! крикнули джигиты и Мустафы Чалаша невѣста стала женой стараго Аджи-Мурата.

Мякнула въ кустахъ черная кошка. Вздогнулъ Мустафа Чалашъ, проснулся.

Смотрѣли на него съ дерева злые глаза. Не видѣлъ ихъ Чалашъ; только ныло сердце.

Совсѣмъ близко подкралась Карасевда.

Схватилъ Мустафа Чалашъ дорожную сумку, выбрался изъ балки. Увидѣлъ свои горы: Алчак-кая, Куш-кая... Легче стало.

Садилось солнце, спала жара, по всему лѣсу неслись птичьи голоса. Запѣлъ и Чалашъ.

— Алчак-кая, Куш-кая, Сарындан-Алчак... Эмир Эмирсы бир кызы памукшанъ имшакъ.

— Слаще меда, тоньше ткани, мягче пуха Эмиръ Эмирсова дочь...

Завтра день подъ пятницу; завтра ночью пойдетъ Мустафа Чалашъ подъ окно къ невѣстѣ, скажетъ Гюль-Безъ „горячее слово“.

Скажетъ:—Любимая, самъ Аллахъ назначилъ такъ, чтобы я полюбилъ тебя. Ты судьба моя; моя тактырь. Говорить тебѣ женихъ твой.

И отвѣтитъ Гюль-Безъ:

— Ты пришелъ, значитъ цвѣтетъ въ саду роза, значитъ благоухаетъ садъ.

И расцвѣтетъ сердце Мустафы, потому что любить его та, которая лучше всѣхъ.

Пришла ночь, зажглись овёды, зажглись огни по долинь.

Вотъ бугоръ; за нимъ домъ стараго Чалаша.

Сидитъ на бугрѣ нищій цыганъ, узналъ его.

Вернулся?

Подѣлъ къ нему Мустафа.

— Нѣ хабер? Что новаго?

— Есть кое-что...

Помолчалъ немного.

— Вотъ скажи, какой богачъ Аджи—Муратъ, а на свадьбѣ двухъ копеекъ не далъ.

— Какой свадьбѣ? удивился Мустафа.

— Гюль-Безявъ вялъ, двухъ копеекъ не далъ.

Вскочилъ на ноги Мустафа Чалашъ, сверкнулъ за поясомъ кинжалъ

— Что говоришь?

Испугался цыганъ.

— Спроси отца.

Какъ въ огнѣ горѣлъ Мустафа Чалашъ, когда стучалъ въ дверь къ отцу и не узналъ старикъ сына, принялъ за разбойника.

Испугался еще больше, когда понялъ, что сошелъ сынъ съ ума отъ любви къ Гюль-Безявъ.

Не ночевалъ дома Мустафа Чалашъ; разбудилъ двухъ-трехъ молодыхъ, повалъ въ Судакъ раки пить.

Разбили молодцы подвальную дверь, выбили дно изъ бочки, пили.

Танцевалъ въ винѣ Мустафа Чалашъ, танцевалъ хайтурму, всю грудь себѣ кинжаломъ изранилъ, заставлялъ товарищей пить капли крови своей, чтобы потомъ не выдали.

А на другой день узнали все въ Судакѣ и Таракташѣ, что вернулся Мустафа Чалашъ домой и что тронула его Карасевда.

Дошелъ слухъ до Козъ, гдѣ жилъ старый Аджи-Муратъ съ молодой женой. Испугался аджи.

— Чего не сдѣлаешь человѣкъ, когда тронетъ его Карасевда.

Заперъ Гюль-Безявъ въ дальнюю комнату и самъ боялся выйти изъ дому.

Но разъ пошелъ въ садъ, за деревню и не узналъ своего мѣста. Кто-то срубилъ весь виноградникъ.

Догадался Аджи-Муратъ кто, и послалъ работника заявить въ волость.

А ночью постучалъ работникъ въ дверь.

Отворилъ Аджи-Муратъ дверь; не работникъ, самъ Мустафа Чалашъ стоялъ передъ нимъ.

— Старикъ, отдай мою невѣсту.

Упалъ передъ нимъ аджи: — Не зналъ я, что вернешься ты. Теперь не пойдетъ сама.

— Лжешь, старикъ, крикнулъ не своимъ голосомъ Мустафа.

— Повови се сюда...

Попятился аджи къ дверямъ, заперся въ жениной комнатѣ, черезъ окно послалъ будить сосѣдей.

Сбѣжались люди.

Ускакалъ Мустафа Чалашъ изъ Ковъ, а поводи него на сѣдлѣ уцѣпилась черная кошка.

Теперь всегда она съ нимъ. По ночамъ разговариваетъ съ нею Мустафа, спрашиваетъ совѣта.

И подсказала Карасевда пойти въ Ковы, къ Гюль-Безевъ, потому что заболѣлъ старикъ и не можетъ помѣшать повидать се.

Удивился нищій цыганъ, когда отдалъ ему Мустафа Чалашъ свой бешметъ, а себѣ взялъ его отребье.

— Твои лохмотья теперь дороже золота для меня.

— Настоящая Карасевда. Совсѣмъ голову потерялъ, подумалъ цыганъ.

Одѣлъ Мустафа Чалашъ цыганскую одежду, взялъ въ руки палку, сгорбился, какъ старикъ, и пошелъ въ Ковы просить милостыню.

Кто хлѣба, кто монету давалъ. Пришелъ и къ Аджи-Мурату. Лежалъ больнымъ Аджи-Муратъ и сидѣла Гюль-Безевъ одна на ступенькѣ у дома. Протянулъ къ ней руку Мустафа Чалашъ и положила ему Гюль-Безевъ въ руку монету. Не узнала его.

Сжалось сердце, зацарапала Карасевда.

— Мустафу Чалаша забыла?

— Атылан іок гери донмев.

— Пущенная стрѣла назадъ не возвращается, покачала головой Гюль-Безевъ.

— Значить, забыла, крикнулъ Мустафа Чалашъ и бросился къ ней съ ножомъ.

Но успѣла Гюль-Безевъ уклониться и скрылась за дверью.

И пошли съ тѣхъ поръ на суданской дорогѣ разбой. Не было ночи, чтобы не ограбилъ кого Мустафа Чалашъ. Искали его власти; знали, что гдѣ-то близко скрывается и не могли найти.

Потому что нападалъ Чалашъ только на богатыхъ и отдавалъ награбленное бѣднымъ.

И скрывали его таракташскіе татары, какъ могли.

— Все равно, скоро самъ уйдетъ въ Девленъ-дере.

И ушелъ Мустафа Чалашъ въ Девленъ-дере.

Въ лохмотьяхъ пришелъ; одинъ пришелъ, бросили его товарищи, увидѣли, что совсѣмъ сумасшедшимъ сталъ. Ужъ не ночью только, цѣлые дни разговаривалъ Чалашъ съ черной кошкой. Желтымъ сталъ, не ѣлъ, глаза горѣли такъ, что страшно становилось.

Пришелъ въ Девленъ-дере и легъ подъ то дерево, гдѣ отдыхалъ, когда бѣжалъ изъ тюрьмы.

Заснула скала подъ синимъ небомъ, хотѣлъ заснуть и Чалашъ. Не могъ только. Жгло что-то въ груди, ловили губы воздухъ, не могъ понять, гдѣ онъ.

Три большихъ дуба подошли къ нему и одинъ больно ударилъ по головѣ.

— Затягивай крѣпче шею, сердился другой, старый, похожій на Аджи-Мурата.

Толкнулъ третій изъ-подъ ногъ камень и повисъ Мустафа Чалашъ въ воздухѣ.

Нашли его отузскіе еще живымъ и добили кольями.

— Отузскіе всегда такъ, говорили въ Козахъ и жалѣли Чалаша.

— Настоящіе горцы, настоящіе „таты“, хвалили таракташець въ Кутлакѣ и Капсихорѣ.

Вдохнетъ таракташець, вспоминая Чалаша.

— Сейчасъ тихо у насъ. Кого убили, кого въ тюрьму увели. И увидѣвъ орла, который паритъ надъ Бакыташемъ, опуститъ голову.

— Были и у насъ орлы. Высоко летали. О нихъ еще помнятъ старики. Не случись Карасевда, Мустафа Чалашъ такимъ-бы былъ.

